

Глава 146 - Фонари.

Но Сяо Юй также знал, что буддизм пустил глубокие корни в стране и имеет большую паству, поэтому, если совершить ошибку, это может вызвать беспорядки.

Он сказал Гуань Шаню, чтобы тот не усложнял жизнь монахам, и что монахам храма Цзимин запрещено выходить в одиночку. Настоятеля и нескольких монахов пригласили спуститься в храм Да Лиси, а завтра он пойдет и лично встретится с ними.

На следующий день Сяо Юй вызвал преподобного Хун Гуана, настоятеля храма Цзимин, и нескольких ответственных монахов на встречу в боковом зале храма Да Лиси. Погода была необычайно холодной для сегодняшнего дня, и поскольку в боковом зале не было отопления, служители зажгли вокруг него несколько горшков с древесным углем и дали ему выдолбленную медную ручную печку, чтобы согреть и защитить его от холода.

С другими монахами обращались не так хорошо: каждому из них дали футон, и других отопительных приборов в зале не было.

Сяо Юй был одет в теплые одежды, с капюшоном из белого лисьего меха, белый воротник которого делал его губы красными, зубы белыми, а брови - как у бессмертного небожителя с картины. Он сидел, скрестив ноги, на самом верху, и когда увидел, что монахи кланяются, Сяо Юй томно махнул рукой: "Пожалуйста, садитесь, мастера".

Несколько старых монахов с тревогой сели на пол, а в центре почтенный Хун Гуан сложил руки вместе: "Будда Амиабха, благодарю вас, ваше величество, за то, что вы предоставили мне место. Интересно, почему Ваше Величество пригласили меня и других монахов в сюда в столь поздний час?".

Сяо Юй отличался от своих предков, которые приходили в храм Цзимин возжигать благовония и выражать почтение Будде, как только вступали на престол. Его отец, император Цзинпин, лично даровал храму Цзимин статус королевского храма. Сяо Юй же вернулся в Цзянье почти полгода назад, но ни разу даже не вызывал настоятеля храма, не говоря уже о том, чтобы возжечь там благовония.

Сяо Юй сделал глоток горячего чая и сказал в непринужденной манере: "Сколько лет преподобный Хун Гуан возглавляет храм Цзимин?"

Преподобный Хун Гуан уставился в пустоту, а затем сказал: "Отвечая Вашему Величеству, я был монахом в храме с самого детства и руковожу храмом в течение семнадцати лет".

"Тогда знает ли мастер Хун Гуан количество монахов в вашем храме?"

"Ваше Величество, в храме зарегистрировано семь тысяч четыреста двадцать девять монахов".

Сяо Юй поднял брови: "О. Вчера вечером мы пришли в ваш храм, чтобы посчитать количество монахов, но их оказалось 13 946, так откуда же взялись лишние 6 000?".

Почтенный Хун Гуан сложил руки и опустил голову: "Ваше Величество, некоторые из них - странствующие монахи из других мест, а некоторые - ученики, которые еще не получили посвящения".

Хотя, в настоящее время императорский двор еще не объявил подушный налог вне закона по всей стране, но это означало, что эти 6 000 человек не только уклонялись от уплаты налогов, но также уклонялись от военной службы.

Сяо Юй улыбнулся: "Будда должен быть очень доволен, что буддизм процветает на Центральных равнинах".

Почтенный Хун Гуан сложил руки: "Будда Амитабха, все благодаря благословениям Будды".

В уголке рта Сяо Юя появилась усмешка: "Почтенный Хун Гуан знает, почему я попросил вас придти сюда?".

Почтенный Хун Гуан склонил голову: "Я не знаю".

Сяо Юй сказал: "В канун Нового года военный патруль перехватил на реке Янцзы восемнадцать грузовых судов, каждое из которых весило 100 000 фунтов, вы знаете, что было на борту?".

Почтенный Хун Гуан покачал головой: "Я не знаю".

Сяо Юй шлепнул пресс-папье по столу и указал рукой на Хун Гуана: "Как ты смеешь лгать мне! Или Мастер Хун Гуан настолько увлекся поклонениями Будде, что уже перестал интересоваться мирскими вопросами? Тогда я скажу тебе, что корабль вез зерно, которое запрещено продавать частным образом в этой стране. Это зерно из амбаров вашего храма. Пункт назначения зерна - Западный Жун, который находится в состоянии войны с нашей страной. Это преступление - сотрудничество с врагом и предательство страны!".

Почтенный Хун Гуан упал на колени и поклонился: "Ваше Величество, простите меня! Я уже несколько лет не участвую в делах монастыря, всем заправляет мой ученик Хуэй Мин".

Как только он заговорил, толстоголовый монах рядом с ним распростерся на земле: "Ваше Величество, не гневайтесь, я слышал от странствующего монаха в храме, что в Западном Жуне повсюду сильный голод и страдания. Я подумал, что Будда любит всех живых существ, поэтому я хотел использовать еду, чтобы помочь голодающим людям".

Сяо Юй поднял брови: "О, в таком случае, я недоброжелателен. Но если вы подаете еду

жертвам голода, почему вы хотите взять у них деньги? Люди этой страны также страдают от голода, а жители Ючжоу и Юнчжоу едва выживают на одну порцию еды в день. Неужели вы думаете, что жизни наших людей не так ценны, как жизни людей Западного Жуна?"

Монах Хуэй Мин поклонился до земли: "Ваше Величество, простите меня! Я осознаю свой грех".

Сяо Юй холодно фыркнул: "Западный Жун амбициозен, они пожирают нашу территорию, убивают наших людей и порабощают наших братьев ханьцев. Сейчас наши мужчины и женщины находятся на передовой, теряя свои жизни на поле боя, изгоняя кочевников ху и защищая нашу землю и народ. Без них вы, монахи, могли бы спокойно возжигать благовония и петь? А теперь посмотрите, что у вас получилось! Вы продаете врагу продовольствие, чтобы он мог прокормить себя и резать наших солдат и вторгаться на нашу землю! Какое преступление вы совершили?!"

Несколько монахов в зале задрожали и распростерлись на земле: "Ваше Величество, пощадите наши жизни!"

Сяо Юй скрипнул зубами и посмотрел на монахов: "Хуэй Мин - монах, но он нарушил законы страны и должен быть наказан!"

Хуэй Мин был так напуган, что обмочился в штаны и многократно кланялся: "Ваше Величество, пощадите! Ваше Величество, помилуйте!"

Сяо Юй закрыл глаза и сказал: "Поскольку твое преступление удалось предотвратить, ты можешь быть избавлен от смертного приговора, но ты не можешь избежать пожизненного срока. Пусть храм возьмет на себя наказание!"

"Спасибо, Ваше Величество, что сохранили мне жизнь!", - Хуэй Мин был в слезах.

Остальные монахи распростерлись на земле и не двигались.

Затем Сяо Юй сказал: "Почтенный Хун Гуан, будучи настоятелем храма, попустительствовал сотрудничеству своего ученика с врагом и предательству страны. Помня о вашем преклонном возрасте, знании буддийской доктрины и выдающемся вкладе в изучение буддизма, вы не будете привлечены к ответственности. Поскольку буддисты сострадают всем существам, а люди Западного Жуна страдают и нуждаются в том, чтобы Дхарма была универсальной, досточтимый Хун Гуан отправится со своими учениками на север, чтобы лично распространять Дхарму".

Сяо Юй вчера всю ночь думал, что делать с этими монахами. У преподобного Хун Гуана была высокая репутация, и от него нельзя было избавиться по собственному желанию, но и не хотелось держать его здесь, чтобы мешал.

Преподобный Хун Гуан опустился на колени: "Бедный монах повинуется приказу!".

Сяо Юй не стал поднимать шум по поводу обращения с храмом Цзимин, и кроме Хуэй Мина, который будет содержаться в тюрьме, остальные монахи были освобождены и отправлены на север.

Сяо Юй не спешил разбираться с монахами и имуществом храма, а сначала опубликовал номер газеты "Искра", уделив особое внимание тому, что храм Цзимин сотрудничал с врагом и продавал продовольствие Западному Жуну, которые воюют с их страной.

Этот инцидент вызвал большой переполох, так как сотрудничество с врагом является серьезным преступлением, тем более что продукты, продаваемые храмом Цзимин, также были в дефиците в Ань Го. Не раз правительство закупало продовольствие у крупных домохозяйств, чтобы оказать помощь пострадавшим, но результаты были весьма ограниченными, поэтому людям по-прежнему не хватало еды, чтобы наполнить желудки досыта.

Однако храм Цзимин продавал утаенное зерно врагу, что было возмутительно. Когда об этом стало известно, репутация храма Цзимин упала, и он превратился в уличную крысу, на которую все кричат.

Суд воспользовался этой возможностью, чтобы конфисковать имущество монастыря и изгнать тысячи монахов, позволив остаться только 200.

Суд также воспользовался возможностью обнародовать новые правила буддийского права, которые гласили, что численность монахов в монастырях по всей стране не может превышать 200 человек, что размер монастырской собственности не может превышать определенную квоту, и что никто не может строить собственные монастыри и храмы по своему усмотрению, а должен получить одобрение правительства.

Во всех монастырях, как только доход от благоволий превышал определенный предел, 70% дохода шло государству, 20% - монастырю и 10% - на благотворительность.

Как только эти официальные документы были изданы, стало ясно, каким было отношение Сяо Юя: он действительно не любил буддизм или, по крайней мере, не позволил ему бесконтрольно распространяться.

В Новый год Сяо Юй мог бы сделать перерыв на два-три дня, но с первого дня года он был занят храмом Цзимин, а затем и всем буддизмом, и он был измотан.

Только с 15-го дня первого месяца стало немного легче.

В пятнадцатый день первого месяца начался Фестиваль фонарей. Существовал обычай смотреть на фонари и выпускать речные фонарики, что представляет собой слияние даосских и

буддийских обычаев, которое постепенно стало светским и популярным в народе.

В Цзянье действовал комендантский час, потому что сейчас мир еще не стал спокойным, и есть опасения, что ночью могут быть допущены ошибки и вражеские лазутчики и шпионы могут проникнуть в город. Только 15-го числа первого месяца и 15-го числа восьмого месяца не было комендантского часа, и мужчины, женщины и дети могли выходить на улицу ночью.

Именно поэтому этот праздник также является временем для свиданий влюбленных, и об этой ночи можно рассказать много хороших историй.

В Панью не было комендантского часа, и хотя существует обычай смотреть на фонари и выпускать речные фонарики, фестиваль немного менее праздничный из-за небольшого населения и отсутствия буддизма.

Сяо Юй впервые почувствовал такую оживленную атмосферу, и с самого рассвета на улицах и в переулках перед каждым домом были развешаны всевозможные фонари. Сяо Юй также сделал фонарь для А-ПИна, который с нетерпением ждал наступления темноты, чтобы похвастаться своим фонарем.

Сяо Юй обратился к Лай Фэну: "Тебе не нужно беспокоиться о патрулировании сегодня вечером, я договорился с Гуань Шанем, ты можешь пойти погулять".

Хотя он был занят в эти дни, он иногда находил время, чтобы обратить на него внимание. У Шуан Ло не было никаких намерений по отношению к Лай Фэну, тот был слишком заиклен на своем происхождении, поэтому не осмеливался ничего предложить ей.

Лай Фэн был немного смущен: "Ваше Величество, я все равно должен защищать вас".

Сяо Юй улыбнулся и махнул рукой: "Не стоит беспокоиться, с Сан Яном и охранниками рядом, я буду в порядке. Ты можешь отдохнуть".

"Спасибо, Ваше Величество!"

"Воспользуйся этой возможностью с толком".

Уже после наступления темноты весь город был освещен по-другому, почти все фонари горели, обычно люди экономят масло и воск, но сегодня они не могли.

Во дворце также были зажжены все лампы и фонари, и туманный свет свечей очень красиво освещал окружающий пейзаж.

Молодые люди поели и с нетерпением ждали выхода в город, ведь Сяо Юй дал им выходной. А-

Пин последовал за ними, разумеется, с эскортом.

Сяо Юй, с другой стороны, не медлил, он планировал дождаться полной темноты, прежде чем выйти посмотреть, что происходит, без Линьчжи рядом с ним, даже спокойная ночь, казалось, мало что значила для него.

Когда совсем стемнело, Сяо Юй сел в карету и выехал из дома в сопровождении Шуан Ло и Цин Ю, которых он позвал с собой.

Улицы были освещены фонарями, и огни каждого дома соперничали друг с другом, что было очень красиво. Толпа на улице была шумной, и было полно народу. Все были веселые и нарядные для этого события, которое происходит раз в году.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14646/1300346>